

А. А. НАВРОЦКИЙ (п. А. БРОККИ)

КРЕЩЕНИЕ ЛИТВЫ.

ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ ДРАМА

въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ,

въ 11 сѣнкахъ.

Цѣна — рубль.

ВИЛЕНСКАЯ

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Белоградова и К^о.
Пав. Остр., 4 з., № 45.

1902

Александр Александрович Навроцкий

Крещение Литвы

Конец XIV века. Женившись на королеве Гедвиге, Великий князь Литовский Ягелло становился королем Польши, однако одним из условий соглашения было принятие Литвой католичества. В противостоянии Великого князя Ягелло и верховного жреца Лиздейко здесь раскрывается одна из страниц литовской истории — крещение последних язычников Европы.

Александр Навроцкий Крещение Литвы. Историческая драма в пяти действиях

Действующие лица:

ЯГЕЛЛО-ВЛАДИСЛАВ — великий князь литовский и король польский.

ГЕДВИГА — его жена.

БОДЗАНТА — архиепископ Гнезненский.

ЗЕМОВИТ — князь Мазовецкий.

КОНРАД ОЛЕСНИЦКИЙ.

НИКОЛАЙ ОССОЛИНСКИЙ.

ВЕЙДАВУТИС, ДАНГЕРУД — литовцы из дружины Ягелло.

КОНРАД РОТЕНШТЕЙН — рыцарь тевтонского ордена.

ЛИЗДЕЙКО — крече-кревейто, т. е. верховный жрец всей Литвы.

ПОЯТА — его дочь.

ТРОЙНАТ, ГИНТОВТ — крече, т. е. главные жрецы храма Рагутиса и антокольского храма в г. Вильне.

ЯВНУТ, ТИРГАЙТО — вайделоты при храме Перкуна в Вильне.

НАРИМУНД — великокняжеский певец.

БИРУТА — няня Пояты.

ПРИСЛУЖНИЦА Пояты.

БОЙВИД, СКАМУНД, КИРБАЙДО — слуги Лиздейки из вайделотов

РУКЛИС — мальчик-литовец

КОРЕЙВО — сторож.

ВКЛИКОКНЯЖЕСКИЙ ПАЛАЧ.

Поляки, крестоносцы, литовцы, вайделоты, вайделотки и проч.

Действие происходит в г. Вильне, в 1387 году.

ДЕЙСТВИЕ I.

Столовая в верхнем замке. Ягелло, Гедвига, Бодзанта, поляки, литовцы и крестоносцы сидят за столом.

ЗЕМОВИТ:

Да, я знаток по части вин,
По части хмельнаго напитка;
Но и по совести скажу,
Что вин таких не часто в жизни
Пивать пришлось. Как масло льется!

ОЛЕСНИЦКИЙ:

Пока в бокале остается
Хоть капля, тянет глотку к ней;
А опорожнишь, — так невольно
Потянет руку, чтобы снова
Его наполнить.

ЯГЕЛЛО:

Пейте, пейте!
Запас велик! Его годами
Сбирал отец. А ты, Гедвига?
Иль ты не хочешь сделать честь

Его трудам?

ГЕДВИГА:

Спасибо, милый!

Налей немного (Ягелло наливает в роговой кубок). Не сюда,
В хрустальный кубок.

ОЛЕСНИЦКИЙ:

Королева

Смакует вкус в вине и знает,

Что в хрустале его приятней

И пить, и видеть.

ЯГЕЛЛО:

А у нас

Все пьют из рога, так как он

Имеет силу уничтожить

И колдовство, и чарованье,

И наговор на все напитки,

В него вливаемые.

ВЕЙДАВУТИС:

Да,

От наговора или чар

Бывает часто много муки.

БОДЗАНТА:

Не страшны нам все эти чары!
И искушенья сатаны
Все исчезают, яко дым,
Перед крестом животворящим
Иль освященною водой.

ЯГЕЛЛО:

Кто хочет в рог, кто хочет в кубок
Вино вливайте; вы-ж, литовцы,
Мои сподвижники и слуги,
С известным всем гостеприимством,
Радужно потчуйте гостей.

ВЕЙДАВУТИС (вполголоса):

Напрасный труд! Они и сами,
Как гуси воду, преисправно
Глощают меды и вино.

ЯГЕЛЛО:

Веселый пир не будет полон,
Когда на нем не услаждает
Могучий бард своею песней

Сердца гостей. Позвать сюда
К нам Наримунда, он не даром
Своим искусством на Литве
Повсюду славен; он сумеет
Своею песней оживить
Вздремнувший дух иль вещей сказкой
Развлечь нас всех. Он здесь, конечно?
Хотя его я не видал
После поездки за тобою,
Моя княгиня.

ДАНГЕРУД:
Здесь! Сейчас
Я приведу его с собою,
Великий князь (уходит).

ЯГЕЛЛО:
Хотя он стар,
Но чудный дар все сохраняет
И так поет, что увлекает
И стариков, и молодых.
Он, как владыка, вызывает
В сердцах людей и стон, и крик,
И скорбь, и радость, и отвагу,
И месть врагам, и похвалу

Деяньям предков... (Входят: Дангеруд и Наримунд)

ЯГЕЛЛО:

Вот и он!

Здоров-ли ты, мой Наримунд,
Певец великий?

НАРИМУНД:

Я здоров.

Меня, по милости богов,
Забыла смерть; а ты здоров-ли,
Великий князь?

ЯГЕЛЛО:

Здоров и весел!

Пирую с молодой женой
Я в нашем замке и желаю,
Чтоб ты потешил нас и ныне
Своею песней.

НАРИМУНД:

Не впервые

Я молодых здесь вижу жен.
У твоего отца их было

По счету три, и каждый раз
Я после свадьбы, на пиру,
Их тешил песнями. И ныне
Готов служить тебе, но только
Я начинаю, знаешь ты,
Всегда одною песней.

ЯГЕЛЛО (смутившись):

Ныне

Ты пропусти ее и прямо
Начни с другой.

НАРИМУНД:

Нет, князь, нельзя!

Не изменил ни разу в жизни
Я этой песне, и теперь
Начну с нея.

ЯГЕЛЛО:

Не нужно мне

Той... первой песни...

НАРИМУНД:

Как не нужно?

Воздать хвалу богам считаешь

Ты лишним, князь?

ЯГЕЛЛО:

Твоим богам
Я не подвластен.

НАРИМУНД:

Не подвластен
Богам Литвы?

БОДЗАНТА:

Ваш князь подвластен
Лишь всемогущему Владыке
Всего живущего, Христу.

НАРИМУНД:

Что говорит он? Ты, наш князь,
Внук Гедимины, сын Ольгерда,
Литвы могучаго владыки,
Стал христианином?

ЯГЕЛЛО:

Позвал
Тебя на пир я не затем,
Чтоб речь вести с тобой об этом.

Ты спой нам песню иль поведай
Про славу предков, и получишь
В награду кубок.

НАРИМУНД:

Никогда

Я не приму такого дара

От христианина! Ты знал,

Что Наримунд всегда лишь славил

Сынов Литвы, родным богам

Служивших верно, для чего же

Ты повелел теперь меня

Позвать сюда?

ЯГЕЛЛО:

Чтобы потешил

Ты песней нас. Ведь ты певец,

И пой, что приказать изволит

Тебе твой князь!

НАРИМУНД:

Не по приказу

Поют певцы, когда священный

Огонь богов охватит душу

И ярким пламенем согреет

По жилам кровь, тогда лишь льются
Из горла звуки, что невольно
В сердца людей проникнут быстро
И их разбудят. Но приказом
Тебе не вызвать их!

ЯГЕЛЛО:

Заставлю
Тебя пропеть я! Извлечет
Палач те песни, коль охотой
Ты не споешь их!

НАРИМУНД:

О, Ягелло,
Что говоришь ты! Коль потребен
Тебе палач, так пусть же он
Тебе поет и песни. Я же
Не твой певец отныне! Можешь
Ты сотворить со мной, что хочешь:
Убить, замучить, искалечить,
Натешиться... но, несмотря
На власть, на силу, на богатство,
На всемогущество твое,
Не властен ты пропеть заставить
Меня, свободного певца! (Бросает лютню).

Возьми ее! Иные руки
Пусть славят подвиги твои;
А от меня не жди напрасно
Хвалы изменнику богов!

ЯГЕЛЛО (вскакивая):
Довольно! Смерть!

ГЕДВИГА (удерживая Ягелло):
Потише, князь!
Не забывай, что здесь с тобою
Твоя жена, и что у нас
При женщине никто не смеет
Чинить расправу. Отошли
Его в тюрьму, а завтра утром
Рассудишь ты, чего достоин
Его поступок.

НАРИМУНД:
Ты ли это,
Литовский князь, указу няньки
Во всем послушный, как дитя?

ЯГЕЛЛО:
Палач! (входит палач) Схватить и увести

Его в тюрьму, и пусть с рассветом
Он встретит смерть!

НАРИМУНД:

Чтоб Гедимину

Поведать все, что днесь творится

В его жилище.

ЯГЕЛЛО:

Прочь! Скорее

Ведите вон!

НАРИМУНД:

Не горячись,

Как пес на привязи короткой,

Сплетенной женскою рукой. (палач уводит

Наримунда).

ГЕДВИГА:

Не огорчайся, Владислав,

Безумца выходкой и гневом

Веселья пира не смущай.

Ведь он старик — и потому

С таким упрямством защищает

Своих богов.

ЯГЕЛЛО:

Не он один!

А много их в Литве найдется

Безумцев дерзких.

БОДЗАНТА:

Но никто

Не помешает королю

Свой довершить великий подвиг.

У нас в отчизне, как у вас,

Такой же водится обычай,

Чтоб на пиру веселый дух

Певцы поддерживать старались;

И здесь меж нами есть один

Певец, затейник и рассказчик,

Который может от души

Тебя потешить.

ГЕДВИГА (к Оссолинскому):

Пан Адам!

Потешь-ка нас и короля

Веселой сказкой или песней,

Которыми, когда захочешь,

Ты можешь тешить без конца.

ОССОЛИНСКИЙ:

Охотно, королева-пани!

Хотя со мной и нету лиры,

Но может быть и без нея

Кой-что устроим (берет три кубка, ставит их рядом и извлекает из них звуки ударами ножа).

Эту песню

Не раз певал я. Впрочем, нет!

Сегодня вам я расскажу

Как создал Бог, на зависть миру,

Резвущку-польку. (начинает говорком под звуки мазурки).

* * *

*Взял он вешний луч от солнца,
Томный свет луны,
Ясность неба, ропот моря,
Мерный плеск волны;*

*Сладость меда, горечь хмеля,
Аромат цветов,
Красоту царицы-розы,
Острие шипов;*

Хитрость кошки, смелость льви-
цы,
И коварство змей,
Ласки матери-тигрицы
Для своих детей;

Смех младенца, ярость битвы,
И отваги пыл,
Шопот страсти и молитвы,
Тишину могил;

Твердость старца, нетерпенье
Маленьких детей,
И любовь до изступленья
К родине своей;

Словом, все — всю прелесть мира
Бог в нее вселил
И грядущее с минувшим
В ней соединил!

Создал тело, дунул в очи
И зажглись они
Тем огнем, что губит сердце,
Коротает дни.

Роскошь тела, стройность ста-
на,

*Чудный, Божий лик, —
Вот какую в Польше панну
Видеть глаз привык.*

*Коль полюбит, так заменит
Целый свет одна;
А изменит — не печалься,
Так уж создана.*

*Панна, панна, наша радость,
Всех к себе манишь,
Ты, что красишь нашу младость,
Сердце веселишь;*

*Славу, почести, богатство,
Даже жизнь свою,
Все отдаст поляк природный
За любовь твою!*

(все присутствующие поляки повторяют хором два последние стиха)

ЯГЕЛЛО:

*Правдива песня! Поднимаю
Заздравный кубок с нашим медом
За лучшую из польских женщин,
За королеву! Пью здоровье
Твое, красавица-Гедвига!*

РОТЕНШТЕЙН:

<...>

А каков

Литовский бард?

ОССОЛИНСКИЙ:

Не из трусливых.

РОТЕНШТЕЙН:

Глядит как волк, и тоже вздумал
Перечить князю. Важный рыцарь!
Потешник, шут и скоморох!

ВЕЙДАВУТИС (перебивая):

У нас не принято смеяться

Над стариками. По годам

Ты мог-бы внуком быть ему,

Так придержать язык не худо

Тебе о нем.

РОТЕНШТЕЙН:

Ты что за птица?

ВЕЙДАВУТИС:

Я птица из породы той,
Которой боги дали когти
И клюв могучий, чтоб справляться
С своим врагом.

РОТЕНШТЕЙН:

А кто просил
Тебя соваться в наши речи,
Сеньора птица?

ВЕЙДАВУТИС:

Мало, видно,
Тебя учили, рыцеренок,
Почтенью к старшим!

РОТЕНШТЕЙН:

Что? Ты смеешь
Так называть меня?

ВЕЙДАВУТИС:

Да, смею!
Залетный аист!

РОТЕНШТЕЙН (вынимает меч):

Защищайся,

Покуда жив! меня?

ВЕЙДАВУТИС:

Не горячись!

Вот этот меч исправно красил

Ваш белый плащ. Держись, мальчишка,

Пока живешь! (сражаются; вбегает Гедвига и становится между сражающимися).

ГЕДВИГА:

Что здесь за шум?

Как смели вы в покоях князя

Скрестить мечи? Отдайте оба

Сейчас их мне!

РОТЕНШТЕЙН (отдавая меч):

Охотно, панна.

Прошу прощенья; но не мог

Оставить я без отомщенья

Тех дерзких слов, которых даром

Еще никто передо мною

Не смел сказать (указывая на поляков).

Спросите их!

ГЕДВИГА (к Вейдавутису):

Отдай и ты!

ВЕЙДАВУТИС:

Нет, никогда

Не отдавал меча я бабе,

И не отдам! Коль ты вмешалась

В наш поединок, так его

Нам отложить возможно, точно;

А уж меча не получить тебе от истого ли-
товца.

Мы для него ножны имеем, (вкладывает
меч)

И вот куда ему дорога!

А вашим ручкам непригоже

Держать меча, ведь он не легок

И не игла.

ГЕДВИГА:

Молчи, презренный!

Иль этот меч... (подымает меч).

ВЕЙДАВУТИС:

А как же мне

Твердил сегодня жрец, что с вами

Приехал в Вильну, что ваш Бог

Велит прощать врагам обиды.
Соврал, должно быть!

ГЕДВИГА (опуская меч):
Да, ты прав...
Погорячилась я, забыла,
Что ты наш гость. (входит Ягелло).

ЯГЕЛЛО:
Зачем в руках
Ты держишь меч?

ГЕДВИГА:
Произошли,
Среди гостей, горячий спор
И ссора; рыцарь Ротенштейн
Не выдержал и обнажил
Свой храбрый меч, но тотчас отдал
Его любезно.

ЯГЕЛЛО:
На кого же
Так рассердился Ротенштейн?

ГЕДВИГА (указывая на Вейдаутиса):

Вот на него. Все старики
У вас сварливы. Но пойдёмте
Мы на балкон. Какая ночь!
Как блещут звезды! Что за воздух! (к го-
стям)

Надеемся, что здесь без нас
Не будет ссор? Пойдёмте, рыцарь!
Вот вам ваш меч. Он здесь не нужен.
Здесь наше слово охраняет
Всех от обиды (все, кроме Вейдавутиса и
Дангеруда, уходят).

ВЕЙДАВУТИС:

О, Ягелло!

Как ты погряз! Прав Наримунд!

Нам, старикам, лишь остается

Уйти в леса, а здесь погибло

Влиянье наше. Встань, Ольгерд!

И посмотри, что днесь творится

В твоём дому! Литва родная!

Тебе до гроба не изменит

Твой верный сын. Нет, прочь отсюда!

На Жмудь, в леса! И пусть мой прах

Сожгут жрецы, а здесь, бесславно,

Я не погибну: не отдам,

Не променяю, как торговка,
Я веры предков, но умру
В той самой вере, как родился.
Скорей отсюда! (уходит).

ДАНГЕРУД:

А по мне

Что ксендз, что жрец, — одно и то же.

И если князь уж окрестился,

Так нам раздумывать негоже

Об этом деле. Вера — это

Не то, что шлем, не жмет, не давит,

И коль придется, так поправит

Мою казну, а в ней вся сила;

Меня же и мою семью

Сама княгиня окрестила.

ДЕЙСТВИЕ II.

Комната в жилище крече-кревейто.

ПОЯТА (сидит задумавшись):
Конрад, мой ненаглядный рыцарь,
Как я люблю его! С тех пор,
Как я увидела впервые
Его у князя, так во мне
Забилось сердце сильно, разом,
И что-то вдруг мне указало,
Что это он (входит Бирута). Тебе что нужно?
но?

БИРУТА:

Пришла спросить тебя, сегодня
Пойдешь гулять ты?

ПОЯТА:

Нет, останусь.

БИРУТА:

На целый день?

ПОЯТА:

Еще не знаю.
Быть может, вечером...

БИРУТА:
Куда же?

ПОЯТА:
Куда придется. А зачем
Тебе так нужно знать?

БИРУТА:
Да так.
Когда останешься, позволь
Пойти сегодня мне.

ПОЯТА:
К кому?

БИРУТА (улыбаясь):
Да не к кому. А, впрочем, если
Имеешь ты что передать
Иль переслать, так по дороге
Могу зайти я.

ПОЯТА:

Нет, сегодня
Не нужно, няня.

БИРУТА:
Да и то
Давно ли виделись.

ПОЯТА:
Давно уж!

БИРУТА:
Да ведь вчера.

ПОЯТА:
Вчера! С тех пор
Прошла вся ночь, проходит утро,
Пройдет и день, и не увижусь
Я с ним сегодня.

БИРУТА:
Правда, правда!
Ведь для тебя, моя голубка,
То время, что проводишь с ним,
Летит как ветер, без него же
Так долго тянется, как будто

Остановилось совсем.

ПОЯТА:

Ступай, Бирута! Я останусь
Сегодня дома.

БИРУТА:

Благодарствуй!
Так порученья никакого
К нему не будет?

ПОЯТА:

Нет, не будет.

БИРУТА:

А не зайти ли, по дороге,
Узнать, здоров ли?

ПОЯТА:

Как ты хочешь.

БИРУТА:

Ох вы, девицы! Видно, все мы
На тот же созданы покррой.
Прощай, голубка! Я найду!

Прощай!

ПОЯТА:

Прощай! Послушай, впрочем...

Нет, ничего!

БИРУТА:

Уж говори!

Я подожду (входит прислужница).

ПРИСЛУЖНИЦА:

К тебе пришел

Жрец-вайделот.

ПОЯТА:

Который?

ПРИСЛУЖНИЦА:

Явнут.

ПОЯТА:

Зови сюда (прислужница уходит).

БИРУТА:

Я подожду?

ПОЯТА:

Не нужно, милая, ступай!

БИРУТА:

Прощай, голубка! (уходит).

ПОЯТА:

Явнут, он,

Как говорил Конрад мне, тоже

Уж втайне принял христианство,

И человек вполне надежный.

Зачем пришел он? (входит Явнут). Здравствуй, Явнут!

Что скажешь нам?

ЯВНУТ:

Пришел спросить,

Не пожелаешь ли сегодня

Придти во храм?

ПОЯТА:

Зачем?

ЯВНУТ:

Молиться.
Сегодня пятница.

ПОЯТА:
Ах да!

ЯВНУТ:
Я провожу тебя.

ПОЯТА:
И ты
Меня зовешь во храм молиться?
Ты, Явнут?

ЯВНУТ:
Да (тихо). Ты здесь одна?

ПОЯТА:
Одна.

ЯВНУТ (указывая на дверь):
А там?

ПОЯТА:
И там, должно быть,

Нет никого.

ЯВНУТ (вполголоса):

Сегодня рыцарь
Зовет тебя.

ПОЯТА:

Сегодня... Боже!
Совсем?

ЯВНУТ:

Совсем и навсегда!
Уж все готово! Ты со мною
Пойдешь во храм, но на дороге
В повозку сядем и поедем
К Понарской башне, там уж рыцарь
Все приготовил.

ПОЯТА:

Страшно... если...

ЯВНУТ:

Решиться надо! Коль упустишь
Подобный случай, так не скоро
Другой представится такой.

ПОЯТА:

Но жаль отца!

ЯВНУТ:

Но что же делать,
Когда нельзя устроить так,
Чтобы с обоими ужиться.

ПОЯТА:

А если вдруг узнают нас
И остановят, иль поймают
У самой башни.

ЯВНУТ:

Что ж, скажи,
Что ты хотела прогуляться
В лесу священном. Ведь в Закрет
Тебе никто не запрещает
Ходить гулять.

ПОЯТА:

Но не с тобой,
Да и не ночью.

ЯВНУТ:

Доверяет

Он мне во многом. А тебя

Так любит слепо, что поверит

Всему, что скажешь.

ПОЯТА:

Да, он любит,

А я... на что решаюсь...

ЯВНУТ (прислушиваясь):

Тсс!..

Идет отец твой!

ПОЯТА (тихо):

Уходи!

ЯВНУТ (тихо):

Зачем! Чтоб не будить напрасно

В нем подозрений, я останусь.

Так ты согласна?

ПОЯТА:

Я... не знаю...

ЯВНУТ:
Решайся!

ПОЯТА:
Да!

ЯВНУТ:
Пойдешь?

ПОЯТА:
Пойду!

(входит Лиздейко)
ЛИЗДЕЙКО (к Явнугу):
Зачем ты здесь?

ЯВНУТ (целуя полу его платья):
Пришел спросить,
Владыко вещей, не пойдет ли
Сегодня в храм твоя Поята.

ЛИЗДЕЙКО (к Пояте):
Что ж, пойдешь?

ПОЯТА:

Пойду, отец!
Сегодня пятница.

ЛИЗДЕЙКО:

Ступай.

Теперь для нас к богам молитва
Нужней всего. Настало время,
Когда отступник веры предков,
Наш князь, не только сам решился
Стать христианином, но вздумал
И весь народ, вслед за собою,
Отдать во власть жрецам-пришельцам
Из края чуждого (к Явнуту). Ты слышал?

ЯВНУТ:

Слышал, владыко.

ЛИЗДЕЙКО:

Явнут, ты

Достойный жрец! Хоть ты и молод,
Но в вере крепок, и к служенью
Всегда усерден, и в борьбе
С врагами веры на тебя
Я положусь во многом. Да,
Меня не наградили боги

Мужским потомством. Дочь — не сын...
Она чужда деяньям рода,
В котором выросла.

ПОЯТА (ласкаясь):
Отец!

ЛИЗДЕЙКО (лаская ее):
Не оскорбляйся. Я глубоко
Тебя люблю, но в это время
Ты не заменишь мне того,
Кому я мог бы передать
И власть мою, и все надежды,
И месть врагам, дерзнувшим нагло
Нам изменить. Я стар и болен,
Я долго не могу прожить;
Но я не сдамся до могилы,
Вступив в борьбу! И кто же будет
Моим преемником?

ПОЯТА:
Отец,
Не сокрушайся о грядущем:
Оно неведомо. Быть может,
Все выйдет к лучшему.

ЛИЗДЕЙКО:

Ребенок!

Не в силах даже ты понять
Мои слова. Вот Явнут, тот
Меня вполне поймет?

ЯВНУТ:

Владыко,

Я слишком молод и ничтожен,
Чтобы дерзнуть тебе ответить
На твой вопрос. Но верю я,
Что в этом деле одолеет
Лишь тот, кто прав.

ЛИЗДЕЙКО:

Ты воин веры,

Ты предан ей, и на тебя

Я возлагаю много, много

Надежды в поднятой борьбе.

Ты не изменишь, и тебя

Они не купят. Подойди

Ко мне, мой сын (обнимает его). Тебя в гря-
дущем

Ждет славный путь. Когда настанет

Мой смертный час, то грозный посох,
Знак вещей власти, перейдет
В твою десницу.

ЯВНУТ:

О, Владыко!

Я недостоин и помыслить
Об этой власти! Я ничтожен,
Я сын рабыни...

ЛИЗДЕЙКО (перебивая):

Да, но будешь

Ты всех знатнее. Долго думал

Я о тебе, о вас обоих,

И убежден, что все замолкнет

Перед тобой, когда ты станешь

Пяты мужем (обнимает обоих). Да, друзья,

Смутились вы, но я решил —

И так исполнится (входит Бойвид).

БОЙВИД:

Владыко!

Сюда идет великий князь!

ЛИЗДЕЙКО:

К кому? Ко мне?

БОЙВИД:

К тебе, должно быть.

Впустить его?

ЛИЗДЕЙКО:

Впусти (Бойвид уходит). Ступайте,

Мои друзья (Поята и Явнут уходят). Чего он хочет?

Зачем пришел? О, боги, дайте

Мне вашу мощь, чтоб грозной речью

Его увлечь и возвратить

К богам Литвы!

ЯГЕЛЛО (входит):

Здоров ли ты

Мой старый друг?

ЛИЗДЕЙКО:

Здоров.

ЯГЕЛЛО:

Не видел

Тебя давно я, и пришел...

ЛИЗДЕЙКО:
Пришел... зачем?

ЯГЕЛЛО:
Чтобы поведать
Тебе о многом.

ЛИЗДЕЙКО:
Знаю все,
Что натворил ты, князь Литвы,
Потомок доблестного рода;
Ты изменил родным богам
И перешел к врагам.

ЯГЕЛЛО:
Напрасно
Ты называешь тех врагами,
Кого привез я. Не враги,
Они друзья нам. Их корона
Моею сделалась.

ЛИЗДЕЙКО:
К чему
Тебе нужна корона стала

Чужой земли? Довольно было
Носить свою. Не для нея,
Не для короны Польши вздумал
Ты совершить столь тяжкий грех.
Для чужеземки, для того лишь,
Чтоб овладеть ею красой,
Чтоб насладиться, как мальчишка,
Ею притворством, ты дерзнул
Попрать ногами веру предков
И изменить богам

ЯГЕЛЛО:

Не мог
Я получить корону Польши
Иным путем.

ЛИЗДЕЙКО (укоризненно):

Не мог?

ЯГЕЛЛО:

Конечно,
Не мог иначе. Иль тебе
Известен был легчайший способ,
Чтоб овладеть и королевой,
И королевством?

ЛИЗДЕЙКО:
Да, известен.

ЯГЕЛЛО:
Какой? Скажи?

ЛИЗДЕЙКО:
Спроси о том
Твой верный меч, да вспомни только
Отца и деда все деянья.

ЯГЕЛЛО:
Не мог я поступить иначе.
И то, что сделал, то теперь
Не изменю.

ЛИЗДЕЙКО:
А твой народ?

ЯГЕЛЛО:
Народ одной со мною веры
Быть должен.

ЛИЗДЕЙКО:

Ну, а если он
Тебя послушать не захочет?

ЯГЕЛЛО:
Заставлю силой! О тебе же...

ЛИЗДЕЙКО (перебивая):
Не беспокойся; знаешь сам,
Что ничего со мною силой
Тебе не сделать.

ЯГЕЛЛО:
Не хочу
Я принуждать тебя, но если...

ЛИЗДЕЙКО:
Довольно, князь! Я знаю сам,
Что должен делать; и конечно
Не у тебя просить совета
Кревейто будет! Кто давал
Отцу советы, тот от сына
Не примет их. Ступай домой!
Ведь по тебе давно, должно быть,
Скучает полька. Там, и с нею,
Молись богам ея, а здесь

Тебе не место!

ЯГЕЛЛО:

Что ж ты хочешь
С собою сделать?

ЛИЗДЕЙКО:

Погоди —
Увидишь сам.

ЯГЕЛЛО:

Но может быть...

ЛИЗДЕЙКО:

Ступай, отступник!

ЯГЕЛЛО:

Но, пожалуй,
Ты вздумаешь мутить народ,
Тогда...

ЛИЗДЕЙКО:

Ступай!

ЯГЕЛЛО:

Не заставляй
Меня вступать в вражду с тобою.
Я не желаю причинить
Тебе вреда, но если ты
Меня заставишь...

ЛИЗДЕЙКО:

Уходи!
Уж больший вред чем тот, который
Ты мне нанес, не причинишь
Ты ныне нам. Не безпокойся!
Народ не сделается жертвой
Раздора нашего.

ЯГЕЛЛО (хочет поцеловать руку Лиздейки,
но, опомнившись, останавливается и с гру-
стью):

Прощай!
Не осуждай меня...

ЛИЗДЕЙКО:

Зачем!
Когда ты сам, своей охотой,
Покинув веру, осудил
Себя на вечное безславье.

Ступай отсюда, христианин!
Здесь вам не место! Боги предков,
Родной Литвы владыки, ныне
Уж не твои, Ягелло, боги.
Ты продал их! но ты ведь смертен,
А боги вечны, и в грядущем
Они жестоко покарают
Тебя за все. А в царстве их
Я призову тебя к ответу,
Литовский князь, отступник веры
И Польшей купленный король! (Ягелло
уходит).

ДЕЙСТВИЕ III.

Лесная поляна в Закрете, с правой стороны — развалины башни, обнесенная оградой, в глубине — просека.

РОТЕНШТЕЙН (ходит нетерпеливо по поляне):

Как долго не идут они!
Придут-ли? Ну, а если Явнут
Вдруг выдал нас? Не может быть!
Ведь он не силой, добровольно
Стал христианином. А впрочем,
Честолюбивыя желанья,
Корысти жажда, или страх
Всегда легко овладевают
Людьми такими. Боже, если
Узнал старик о нашем бегстве
И принял меры! Ведь тогда —
Погибло все! Запрут голубку,
Замучают, и нет ни средств,
Ни сил, чтоб вырвать дорогу
Из злобных старческих когтей.

КОРЕЙВО (за оградой):

Вельможный князь, сдержать не в силах
Я ваших бешеных коней.

РОТЕНШТЕЙН:

Оставь! Не дергай их! Я сам

Их успокою. (уходит. Входят: Поята и Яв-
нут, вслед за ними Тиргайто).

ПОЯТА (оглядываясь кругом):

Никого

Не вижу я! Ты не ошибся?

ЯВНУТ:

Я слышу ржание коней.

Он здесь! Сейчас его отыщем! (уходит в
ограду).

ПОЯТА:

Отец, мой дорогой отец!

Что ныне станется с тобой

Когда ты, наконец, узнаешь,

На что решилась я? (прислушивается)

Идет!

О милый, милый, разве в силах

Я отказать тебе теперь

В твоей существеннейшей просьбе,
Когда к тому же и мое
Она желанье разделяет. (Входит Ротен-
штейн).

Ты ждал меня? (обнимаются).

РОТЕНШТЕЙН:

Давно, голубка!

И думал уж, что, может быть,

Нас выдал Явнут, и погибло

Все наше счастье.

ПОЯТА:

Не могла

Придти я раньше; знаешь, милый,

Что я могла уйти из дома,

Лишь под предлогом совершить

Молитву в храме Перунаса;

А ведь подобныя молитвы

Нельзя иначе совершать,

Как только на закате солнца.

РОТЕНШТЕЙН:

Пора в дорогу! Все готово!

Я лучших отобрал коней!

Пойдем, голубка! Нам теперь
Необходимо удалиться
Скорей от Вильны. Наступает
Сырая ночь, встает туман,
Дороги здесь мне незнакомы,
Мы можем сбиться...

ПОЯТА:

Погоди

Хотя еще немного, милый!

РОТЕНШТЕЙН:

Нельзя, нельзя!

<...>

ДЕЙСТВИЕ IV.

Комната в жилище Лиздейко.

БОЙВИД:

Беда, какой и не бывало!

Пропали мы! О срам, о ужас!

Верховного владыки дочь

Из дома отчего сбежала.

Прогонят нас! (входит Скамунд) Ну что, на-
шли?

СКАМУНД:

Кого?

БОЙВИД:

Пояту!

СКАМУНД:

Не иголка,

Не затеряется в песке!

Уж если вздумала убраться,

Так не одна. Из пришлецов

Нашла помощников и с ними

Теперь далеко!

БОЙВИД:
Что-то будет
За это с нами?

СКАМУНД:
Ничего!
Ее беречь заботой было
Не нас с тобой. У ней своя
Была прислуга.

БОЙВИД:
Где ж Бирута?

СКАМУНД:
Должно быть, с нею убралась.

БОЙВИД:
Не может быть! Она стара!
Ей на коня взобраться трудно;
Не усидит. Что там за шум?
Ведут кого-то! (вводят Бируту с цепью на
руках) А, поймали!

СКАМУНД:

Попалась, старая!

БИРУТА:

Пустите!

Хоть дайте дух перевести.

Ох, умираю!

БОЙВИД:

Околей,

Так легче будет! А не то

Тебя помучает изрядно

Владыко наш. (к Скамунду) Ступай к нему

И доложи, что изловили

Мы эту гадину. (Скамунд уходит)

БИРУТА:

Помилуй

Меня могучий Перкунас!

БОЙВИД:

Помилует тебя палач,

Когда под пыткой искалечит

Тебя до смерти. Тсс!.. идет

Сюда Владыко. (входит Лиздейко).

ДЕЙСТВИЕ V.

В храме Перкуна. Толпа вайделотов.

1-й ВАЙДЕЛОТ:

Великий бог! Что будет с нами?
Что сотворят они с тобой?

2-й:

Спокойны будьте! Не посмеют
Они коснуться до Перкуна
И до священного огня!

ЯВНУТ (в сторону):

Покончат живо! Уж пора
Низвергнуть идолов, и в храме
Святую жертву вознести.

4-й (у дверей):

Идут!

1-й:

Сюда?

4-й:

Сюда, должно быть!

Великий князь, княгиня с ним

И христианские жрецы

Из Польши с князем прибыли.

5-й:

За ним поляки, крестоносцы,

И наших много!

<...>

ЯГЕЛЛО:

Жрец, Лиздейко,

Идет сюда!

ГЕДВИГА:

Вели скорее

Замкнуть все двери!

БОДЗАНТА:

Нет, нельзя!

Тогда мы все у них, как в клетке,

Очутимся, и сотворить

Они над нами могут все,

Что пожелают.

ЯГЕЛЛО:

Что-же делать?

БОДЗАНТА:

Впустить сюда.

ЯГЕЛЛО:

Ты отвечаешь

За безопасность королевы,

И нашу также?

БОДЗАНТА:

Отвечаю!

(Входит торжественная процессия жрецов; опускают носилки; Лиздейко встает).

ЯГЕЛЛО (к Лиздейке):

Зачем ты здесь?

ЛИЗДЕЙКО (воздав поклонение Перкуну):

Я здесь по праву;

Но должен я спросить тебя,

Зачем здесь ты?

ГЕДВИГА:

Король желает...

ЛИЗДЕЙКО (перебивая):

Какой король?

ГЕДВИГА:

Мой муж!

ЛИЗДЕЙКО:

Король

Он для тебя и для поляков,

А для Литвы остался он,

Как прежде был, великим князем.

БОДЗАНТА:

Король иль князь, но господин

Над всей Литвой желает, чтобы

Вот этот храм был обращен

В святую церковь, дабы в нем

Святому, истинному Богу,

Который, в благости своей,

Его прекраснейшую душу

Познанием правды осенил.

ЛИЗДЕЙКО (к Ягелло):

То правда, князь?

ЯГЕЛЛО:

Да, это воля

И королевы, и моя.

ЛИЗДЕЙКО:

Твоя, безумец! Позабыл

Ты, видно, прошлое навеки.

Припомни, дерзкий, как ребенком

Ты приходил сюда с отцом,

Ольгердом славным, и во прахе

Склонялся здесь перед святыней

Отца и предков, унося

С собой священную частицу

Неугасимого огня.

Припомни все, что здесь творилось,

Как здесь не раз с тобой молилась

Твоя дружина удалая,

Когда, оружием сверкая,

Она клялась передо мной

Иль победить, иль умереть,

И побеждала постоянно...

БОДЗАНТА (перебивая):

То было прежде...

ЛИЗДЕЙКО (грозно):

Замолчи!

Меж мной и князем в толмаче

Нужды доселе не встречалось!

Опомнись, князь! Иль ты дерзнешь

Коснуться грозного Перкуна

И потушить огонь священный,

Которым были зажжены

Литвы священные костры

С великим прахом Гедимины

И с прахом твоего отца,

Ольгерда грозного?

ГЕДВИГА (к Ягелло):

Король,

Не позволяйте всенародно

Вам угрожать. Иль еретик

Для вас дороже вашей чести,

Державной чести короля?

БОДЗАНТА:

Спеши, великий государь,
Окончить начатое дело.
Не медли более!

ЯГЕЛЛО:

Оставьте!
Пусть скажет все! Его теперь
Не в силах я молчать заставить.

ЛИЗДЕЙКО:

В последний раз я говорю
Тебе, наш князь, не издевайся,
Не искушай деяньем дерзким
Терпенье бога. О, не верь
Наветам чуждым! Ни полякам,
Ни крестоносцам, ни иным
Не дорога святыня наша,
Святыня предков. Ты же, князь,
Ты сын литовца! Ты владыка
Родной Литвы! И неужели
Решись ты коснуться дерзко
Ея богов?

ЯГЕЛЛО:

Я христианин.

ЛИЗДЕЙКО:

Отступник ты! Я это знаю!
Но не забудь, что Гедимин,
Твой дед великий, поклонялся
Богам Литвы, что помогли
Они ему всю жизнь высоко
Держать, во славу, меч победный
На страх врагам, а в их числе
И крестоносцы-христиане
Не раз, к своим богам взывая,
Постыдно бегали пред ним.
Погибнешь ты! Не верь пришельцам!
Погибнешь ты! И не спасут
Они тебя от гнева бога
И страшной смерти!

БОДЗАНТА:

Нет, не верь
Его словам, король великий!
Бессилен гнев обрубков мертвых
Пред вечным царствием Христа.
Увидишь сам! Беритесь смело
За истукана! Дайте мне

Кувшин с водой! Я сам залью
Огонь ненужный!

ЯГЕЛЛО (к литовцам-христианам):
Повинуйтесь
Словам епископа.

ЛИЗДЕЙКО (указывая на Бодзанту):
Ему?

Поляки и литовцы-христиане набрасывают на Перкуна веревки и приносят кувшины с водою.

ЛИЗДЕЙКО:
Пусть будет так! Я сделал все,
Чтобы спасти тебя от смерти,
Литовский князь! Слова пришельцев
Тебе доступней, чем мольбы
Всего литовского народа.
Пусть будет так! Увидят все,
Как страшно покарают боги
Своих врагов. (начинают валить Перкуна)
Перкун могучий!
Великий бог... владыко грозный...

Священный Знич...

ГОЛОСА:

Вали дружнее!

Перкун падает. Бодзанта заливает огонь. Раздается крик торжества со стороны христиан и крик ужаса среди вайделотов:

ЛИЗДЕЙКО:

Упал!.. Лежит!.. И все спокойно?

И живы все?.. И гнев Перкуна

Не поразил дерзнувших свергнуть

Его во прах?.. О Знич, о боги,

Так вы бессильны! (Закрывает лицо руками).

БОДЗАНТА:

Видишь сам,

Что этот бог был истуканом

И, ниспровергнутый, во прахе

Лежит недвижим, как чурбан.

Ты обманулся! Обратись же

К другому, истинному Богу,

Который вечен, припади

К его стопам и вместе с нами
Прославь величие Творца.

ЛИЗДЕЙКО (опустив руки, медленно подходит к Перкуну):

Ваш Бог сильней, ваш Бог могучей, (указывает на Перкуна).

Но он, но этот был мой бог.

Ему служил я и молился,

И именем его вещал

Всегда народу. Я не в силах,

Да и не должен пережить

Его позор. Тебя низвергли –

И место мне возле тебя!

Прощайте все; прощай, Ягелло!

В последний раз вам возвещаю

Я волю бога; он низвержен,

Но и над вашим Божеством

Глумились люди в дни страданий.

Потушен Знич, но там, на небе,

Взойдет он завтра, осветит —

И вам, слепцам, свое прощенье

В лучах пошлет. А я... а мне...

Довольно жить! (обращаясь к Перкуну)

Коль ты во прахе,

Так должен обратиться в прах
И твой служитель! (Вынимает из-за пояса
кинжал и убивает себя, падая к ногам Перку-
на).

БОДЗАНТА:
Что он сделал!
Самоубийца!

ЯГЕЛЛО (твердо):
Замолчи!
И не глумись над тем, кто долго
Был нам отцом, кто веру предков
Хранил столь твердо, кто служил
Богам, достойным Гедимина.
Подайте знамя! (прикрывает знаменем
труп Лиздейки).

Да прикроет
Тебя тот стяг, который ты
Вручал мне в храме, призывая
Благословение богов (к литовцам).
Ступайте все! Костер сложите,
И вместе с божеством сожгите
Его последняго жреца!

БОДЗАНТА:

Князь, не забудь заветы веры!
Ты христианин, и не должен
Им разрешать — с таким почетом
Творить языческий обряд.

ЯГЕЛЛО:

Почет врагам, на поле битвы
Достоино павшим, мы привыкли
Всегда давать, а он был другом,
Он был отцом нам много лет.
Он был хранитель нашей веры,
Так пусть же по ея обычью
Над ним и тризну совершат (к литовцам).
Возьмите их и отнесите!
А после смело приходите
Вы в новый храм, и Бог Христос,
Бог милосердья бесконечный,
Вас не проклянет за почтенье
К телам отцов.

БОДЗАНТА:

Нельзя же, князь,
Давать почет...

ЯГЕЛЛО:

Молчи! Довольно!

Я христианин, но я князь!

И не позволю вам мешаться

В мои дела! Идемте все!

И праху вещаго Кревейто

Последний воздадим почет!

Лиздейку, в предшествеии Перкуна, уносят в торжественной процессии при пении погребального гимна; Ягелло с литовцами уходит за нею:

БОДЗАНТА:

А мы в сем храме воздадим

Хвалу Всесильному Владыке

Всего живущего, Христу (запевает Те Deum).

ЯГЕЛЛО (входит с литовцами-христианами):

Теперь и я могу спокойно

Молиться Богу христиан!

Становится рядом с Гедвигою, пение про-

должается; занавес медленно падает:

Конец

Н. А. Вроцкий (А. А. Навроцкий). Крещение
Литвы // Русская речь. 1879. Кн. IX. С. 11 — 76.

Подготовка текста © Лариса Лавринец,
2006.

Публикация © Русские творческие ресурсы
Балтии, 2006.